ВЛАСТЬ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В УСЛОВИЯХ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОГО КРИЗИСА 1927/28 г.

УДК 93/99+342.5(5-012)

С. М. СТАСЮКЕВИЧ

Региональные аспекты хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. до настоящего времени практически не изучались дальневосточными историками. Имеющиеся публикации ограничиваются кратким изложением общероссийских концепций и приводят отрывочные сведения о ситуации на Дальнем Востоке, на основании которых невозможно составить адекватное представление о развитии событий [17, с. 108–110; 18, с. 190–192]. Поэтому важной исследовательской задачей является восстановление событийного ряда и выявление особенностей развития кризиса на Дальнем Востоке.

Ситуация на Дальнем Востоке осенью 1927 г. отличалась от других районов страны повышенным урожаем, наличием у крестьян значительных нереализованных запасов зерна производства 1926 г. В условиях объективно ограниченного регионального рыночного пространства, характеризовавшегося разреженностью населения, рассредоточенностью деревень, их удаленностью от торговых и промышленных центров, это способствовало относительно ровному ходу кампании осенью – в начале зимы 1927 г. В это время Далькрайком ВКП (б), окружкомы партии отмечали удовлетворительное выполнение планов хлебозакупа и весьма осторожно относились к попыткам обострить отношения с деревней [2, л. 1–2].

Подходы местной власти* к проблеме хлебозаготовок резко изменились в самом начале 1928 г. под влиянием новых установок центра. 24 декабря 1927 г. партийным организациям страны была направлена директива ЦК ВКП (б), содержавшая требования сконцентрировать все усилия на обеспечении перелома в ходе заготовок. В регионы отправлялись уполномоченные ЦК и СТО, наделенные широкими правами вмешательства в деятельность местных органов власти [16, с. 219–220]. 9 января 1928 г. состоялись заседания дальневосточных окружкомов ВКП (б), принявшие директиву ЦК к исполнению и признавшие темпы хлебозакупа уже крайне недостаточными. Персональная ответственность за выполнение планов хлебозаготовок возлагалась на секретарей партийных организаций. Комплекс мероприятий по обеспечению хлебозаготовок предусматривал как усиление мер экономического давления на держателей хлеба, так и применение чрезвычайных мер, направленных на ограничение рыночного оборота зерна и принуждение крестьянства к продаже хлеба государству по ценам ниже рыночных [9, л. 9; 2, л. 6–7; 11, л. 5]. Основная репрессивная мера, широко применявшаяся в ходе кризиса 1927/28 г. по всей стране, – привлечение крестьян за сокрытие зерна к уголовной ответственности по ст. 107 УК – спекуляция.

На Дальнем Востоке ужесточение заготовительной политики вплоть до весны 1928 г. не выходило за рамки привычных для крестьян, нередко применявшихся и в условиях нэпа приемов. 10 января в хлебопроизводящие районы выехали уполномоченные окружных советских и партийных организаций. Отменялись отсрочки по налогам, задолженностям по страховым сборам, семенным ссудам, паевым взносам, в деревнях работали выездные сессии окружных судов по рассмотрению дел неплательщиков [2, л. 6–7, 9]. Несмотря на это, в целом ситуация в дальневосточной деревне оставалась относительно стабильной, работали все местные и окружные рынки, сохранялась свобода торговли зерном и хлебопродуктами. Эскалация репрессивного воздействия на местное крестьянство началась лишь в апреле-мае 1928 г., когда произошло повторное увеличение краевого заготовительного плана, в результате чего задания для Дальнего Востока были доведены до 2 668 100 ц. зерна, что было в 2,2 раза больше, чем в 1926/27 г. [12, л. 110; 7, л. 34; 8, л. 19; 2, л. 59]. Подчеркнем тот факт, что ДВК всегда был хлебодефицитным регионом. До 1928 г. край даже не включался в общесоюзный план хлебозаготовок. В 1920-х гг. недостаток собственного зерна регион покрывал за счет завоза из Сибири. В 1928 г. сложившийся механизм поставок сибирского хлеба на Дальний Восток был разрушен, ситуация на продовольственном рынке региона стремительно ухудшалась. В этих условиях повторное увеличение плана в начале апреля 1928 г. власть прямо объяснила

* Под властью понимается система государственных органов. Подчеркнем, что в рассматриваемый период в отечественной мысли понятие «власть» практически отождествлялось с государственной властью [1; 19].

необходимостью пополнения истощенных зерновых ресурсов [22, л. 53–55; 12, л. 88].

13 апреля 1928 г. Далькрайком ВКП (б) направляет телеграмму окружным партийным комитетам, предписывавшую «решительно усилить нажим на заготавливающие организации в сторону полного выполнения задания» и расширить применение 107 статьи [12, л. 70, 88]. Вскоре в дальневосточных округах нормы выявленных хлебных излишков, на основании обнаружения которых крестьяне привлекались к уголовной ответственности, были снижены с 1000 до 700 пудов [4, л. 1–1 об; 10, л. 39]. Одновременно были расширены полномочия окрторгов, прокуратуры и ГПУ по хлебозаготовкам. Кроме окружных уполномоченных, в села направлялись все наличные кадры райкомов партии. В основные хлебные районы выехали и представители Далькрайкома ВКП (б) и Далькрайисполкома [4, л. 2 об, 32; 9, л. 191]. Органами ОГПУ и милиции проводились систематические рейды по проверке организации хлебной торговли и выявлению излишков хлебных ресурсов у кулацко-зажиточного элемента. На крупнейшем во Владивостокском округе Никольском рынке, куда стекалось зерно Суйфунского, Михайловского, Покровского, частично Ивановского и Ханкайского районов и где всегда активно работали частные заготовители, в мае 1928 г. было установлено постоянное наблюдение со стороны 58 Погранотряда ОГПУ, уголовного розыска и райгормилиции, в задачу которых входило выявление лиц, скупавших зерно по завышенным ценам. Все задержанные по данному обвинению немедленно заключались под стражу, где и содержались до суда или особого распоряжения прокурора. На райуполномоченных ОГПУ возлагалось выявление особенно крупных утаек, в случае обнаружения которых ведение дела передавалось в районные отделения милиции. Все дела по хлебозаготовкам были поставлены под усиленный прокурорский надзор и направлялись в суды вне всякой очереди [11, л. 26]. Под надзор милиции была поставлена заготовительная работа кооперативных организаций [10, л. 39].

Весной 1928 г. дальневосточное руководство еще рассматривало применение 107 статьи лишь как исключительной меры, нацеленной на побуждение крестьян выбрасывать имеющиеся хлебные запасы на рынок. Постановления окружных комитетов постоянно подчеркивали недопустимость массовых или необоснованных обысков в крестьянских хозяйствах и незаконного вывоза зерна у крестьян, имевших излишки менее установленных норм. Представители силовых ведомств обязывались получать санкцию райкомов партии на начало любой операции по выявлению излишков и привлечению крестьян к ответственности [11, л. 24–25; 4, л. 3].

По сведениям с мест, применение 107 ст. УК давало определенный эффект: приток зерна на заготовительные пункты заметно увеличивался. Например, в июне 1928 г. в Михайловском районе Амурского округа, после того как были описаны 11 кулацких дворов, крестьяне в течение только двух дней поставили на Поярковский заготпункт более 15 000 пудов. В селе Лохвицы Александровского района один из хозяев, оказавшийся под угрозой суда, в течение 5 дней вывез 2000 пудов. В другой деревне этого же района зажиточный, в то время как шел суд над другим кулаком, сразу на 9 подводах повез сдавать хлеб. В с. Покровка Владивостокского округа информация о персональных «беседах», проводимых уполномоченными с держателями запасов в присутствии начальника районной милиции, заставила часть остального населения сдать дополнительно по 300 пудов зерна [10, л. 51]. Особенно интенсивно крестьяне стали сдавать зерно государству после 15 июня, когда в печати появилось сообщение о привлечении к уголовной ответственности кулачества и спекулянтов, укрывавших хлеб, и стали известны факты привлечения к суду [4, л.2 об.; 5, л. 1].

Большинство крестьянства выступало против ужесточения заготовительной политики, пытаясь сначала отстаивать свои позиции с помощью экономических аргументов. Жители с. Белый Яр Завитинского района заявляли уполномоченным, что принудительное изъятие излишков противоречит новой экономической политике. Зажиточные Тамбовского района подчеркивали: «Торговля вольная, и мы не знаем, какое количество [хлеба] государство признает излишком». Крестьяне в разговорах с уполномоченными и в выступлениях на собраниях открыто говорили, что в связи с применением 107 статьи вынуждены будут значительно сократить посевы, что приведет к падению заготовок в следующем году [4, л. 1–2]. Особенно остро деревня реагировала на ценовую политику, открыто высказывая недовольство увеличивающимся разрывом цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, несоответствием цен на зерно ценам на муку и печеный хлеб, растущим расхождением между рыночными и заготовительными ценами на зерно. «Цены на промышленность расходятся с ценами сельского хозяйства (за пуд ржи не купишь метра ситца). Пшеницу и рожь принимают госорганы дешево, а муку продают тем же крестьянам дорого», — упрекали

уполномоченного по хлебозаготовкам жители приморских хуторов Баев и Сахнов в июне 1928 г. [10, л. 51, 56]. В Завитинском районе Амурского округа в начале лета 1928 г. крестьянин мог продать овес на рынке в среднем на 37,5% дороже, чем кооперации, гречу — на 46,2%. В Амуро-Зейском районе рыночная цена овса в 2,5 раза превышала заготовительную [4, л. 1 об.]. Естественной реакцией крестьянства стало стремление не столько придержать хлеб, сколько продать его по более выгодным ценам. В результате попытки ограничить рыночный оборот в деревне чрезвычайными мерами обернулись расширенным сбытом зерна на вольном рынке в обход плановых заготовителей. В хлебопроизводящих округах Дальнего Востока крестьянство реализовывало большие партии зерна на городских базарах вплоть до мая 1928 г., а в предпраздничные дни активная торговля хлебопродуктами велась и на всех районных рынках, включая базары дефицитных округов [15, с. 2; 3, л. 2 об.].

Начавшиеся изъятия хлеба поставили под угрозу обеспечение бедняцких и маломощных дворов, традиционно приобретавших зерно у своих более зажиточных соседей, основными продуктами питания, посевными материалом. Особенно тяжелое положение складывалось в неурожайных районах, население которых вынуждено было самостоятельно изыскивать источники пропитания. Весной 1928 г. мешочники из неурожайных в 1927 г. Шмаковского, Яковлевского районов Владивостокского округа и особенно Калининского района Хабаровского округа скупали зерно в Спасском районе, где в результате резко сократилась сдача хлеба на государственные и кооперативные заготовительные пункты [9, л. 191]. В дальневосточной деревне развернулась агитация против принудительного изъятия хлеба как мероприятия, ставящего под угрозу снабжение продовольствием и семенами бедноты и маломощных [6, л. 26].

Результатом чрезвычайных мер давления на деревню стала политизация крестьянского общественного сознания, возрождение некогда популярной идеи создания союза хлеборобов. Вопрос «Почему не допускают союза крестьян для защиты своих интересов, тогда как рабочие и служащие все в союзах?», — нередко звучали на деревенских сходах Амурского округа в первой половине 1928 г. «Вот создадим крестьянский союз, тогда мы покажем, как проводить вопрос о хлебозаготовках» (д. Васильевка, Амурский округ) [13, л. 32]. Подчеркнем тот факт, что деревня понимала «Крестсоюз» как организацию, преследующую в первую очередь социально-экономические, а не политические цели. По данным информационных сводок ЦК ВКП (б) из 710 сообщений о понимании крестьянами сути Крестсоюза, в 605 (85%) случаях ему придавались функции регулирования цен и налогов, профсоюза [22, л. 15–19, 21]. Широкое распространение получают негативные оценки крестьянством собственного социального статуса. «Зачем сеять, бросить все и превратиться в рабочих, которым живется хорошо», — сетовали в дальневосточной деревне [4, л. 102].

В то же время часть бедняцко-середняцкого населения не только сочувствовала, но и активно содействовала государственной заготовительной политике. Весной-летом 1928 г. резолюции в поддержку хлебозаготовок принимались на общих собраниях амурских деревень Толстовка, Гомелевка, Малиновка, Долдыкин и др. В деревнях создавались комиссии по выявлению излишков, принимались встречные повышенные обязательства, вызвались на своеобразное соревнование по заготовкам соседние середняцкие поселения. В селе Толстовка Тамбовского района общее собрание постановило: «Излишки хлеба сдать на приемные пункты. Приступить к вывозу немедленно и закончить не позднее 1 августа». На другой день в город действительно выехало 40 подвод с зерном. Вовлечению бедняцких и маломощных слоев деревни в поддержку аграрной политики и активные действия против кулачества способствовало решение об отчислении 25% конфискуемого в порядке 107 статьи хлеба в пользу ККОВ. Беднота, зачастую не решаясь открыто выступать на собраниях в поддержку чрезвычайных мер, в частных беседах, тем не менее заявляла: «Так им, кулакам, и надо. Хоть бы поскорей приговор утвердили, тогда можно бы за счет кулацкого овса зеленки посеять» [4, л. 1–1 об., 3]. Факты поддержки частью крестьянства принудительного изъятия хлеба у зажиточных слоев отмечались и в Приморье. Резолюции крестьянских собраний весны-начала лета 1928 г., выносившиеся в присутствии районных и окружных уполномоченных по хлебозаготовкам, конечно, были выдержаны в лояльных государственной политике выражениях. Собрания, проводившиеся крестьянами самостоятельно, нередко высказывались против дополнительной сдачи хлеба государству. Например, в с. Струговка Покровского района Владивостокского округа общее собрание, проведенное 17 июня 1928 г., накануне прибытия уполномоченных приняло отрицательное решение по хлебозаготовкам [10, л. 55–59].

В ходе кампании 1927/28 г. началась мобилизация партийно-государственной вертикали. К концу 1920-х гг. позиции правящей партии

в деревне не были еще достаточно прочными. На Дальнем Востоке из 2117300 населения только 17359 чел. были коммунистами, 7749 – кандидатами в члены партии, 43000 чел. – комсомольцами. Ко всему населению члены партии составляли 1,2%, комсомольцы – 2,1%. Партийные ячейки в крае имелись только в 14,9% всех населенных пунктов, ячейки ВЛКСМ – в 23,8% [6, л. 13]. В этих условиях решающее значение придавалось консолидации партийных и советских работников, недопущению разногласий.

Переход к чрезвычайным мерам в деревне вызвал неоднозначную реакцию среди рядовых коммунистов. Информационные сводки ЦК ВКП (б), составленные в том числе и на материалах Амурского, Владивостокского, Читинского окружкомов и Далькрайкома ВКП (б) за январь-март 1928 г., свидетельствуют о том, что ряд деревенских парторганизаций слишком быстро перешли к военно-коммунистическим методам проведения хлебозаготовок. В адрес крестьянства обычными стали угрозы: «мы вам припомним 1918 г..., заткнем глотку», вызовы на допросы и даже избиения. Вместе с тем, среди отдельных коммунистов на селе довольно широко распространились настроения, характеризуемые партийным руководством как «хвостистские». Люди уклонялись от сдачи собственных излишков зерна, высказывали отрицательное отношение к нажиму на кулаков или наоборот, отмалчивались на собраниях и сходах, посвященных самообложению и займам [21, л. 10]. По сути это был молчаливый отказ части рядовых членов партии от поддержки нажима и участия в нем. Весной-летом в самом хлебном дальневосточном округе – Амурском – продолжали фиксироваться многочисленные факты слабого участия в хлебозаготовках низовых партийных организаций и советского аппарата. Определился и политический аутсайдер – партийная организация Завитинского района, которая признала ход заготовок вполне удовлетворительным и не согласилась с мнением уполномоченного окружкома о недостаточности хлебозаготовительной работы в районе. Ряд коммунистов позволяли себе критиковать действия окружных властей и предлагать другие, экономические, меры стимулирования хлебосдачи. Например, член Мазановского райкома Урманов предлагал: «Цены на зерно надо повысить. Условия района говорят за это. Округ знает об этом, но молчит» [4, л. 1–3]. Колебания в среде партийных работников всех уровней, негативно воспринимавших нажим на деревню и пытавшихся защищать крестьянство, отмечались и во Владивостоком округе [8, л.3]. Однако окружкомы, несмотря на все резолюции и директивы о недопустимости поголовных обысков и изъятий хлеба, резко возражали против попыток местных работников пойти навстречу крестьянству. Во время выездов уполномоченных в районы и села началось выявление «неблагонадежных» работников. Решение о применении репрессивных мер в отношении должностных лиц, «не проявивших достаточной энергии в деле взыскания» хлеба, Амурский окружком принимает уже 9 января 1928 г. [2, л.6–7,9]. В июне недопустимой была признана практика прекращения преследования крестьян в судебном порядке в тех случаях, когда хлеб вывозился на ссыпные пункты уже после составления актов об утайках. Амурский окружком в этой связи настаивал: «Злостных спекулянтов необходимо не стращать, а предавать суду, как это указывается в директивах окружкома». При этом речь шла о хозяйствах, в которых было описано 400–500 пудов хлеба [4, л. 3]. К лету 1928 г. и сами низовые партийные организации, поставленные перед необходимостью выполнять увеличенный план заготовок в условиях, когда хлеб из крестьянских хозяйств был практически вычерпан, нередко просили о снижении величины излишков, подлежащих изъятию, с 700 до 400–500 пудов. Тогда же в лексиконе партийных работников процесс хлебозаготовок вновь получает название – «разверстка», что свидетельствует об изменении их политических установок [5, л. 1].

Чрезвычайные меры в деревне были отменены решением июльского пленума ЦК ВКП (б). 17–19 июля 1928 г. постановления о прекращении применения 107 ст. УК принимают дальневосточные окружкомы. Советские и судебные органы обязывались остановить производство дознаний и рассмотрение судом уже заведенных уголовных дел. Опечатанный хлеб в хозяйствах, по которым производство дела прекращалось, предписывалось немедленно возвратить владельцам. Временное отступление от политики нажима на крестьянство летом 1928 г. совершенно не коснулось ответственных работников. Райкомы были предупреждены о недопустимости снижения темпа заготовок и необходимости выполнения летнего плана в установленные сроки. Продолжались преследования ответственных партийных и советских работников, допустивших колебания в ходе хлебозаготовительной кампании. 17 июля, одновременно с принятием решения об отмене чрезвычайных мер, Амурский окружком партии отстранил от должности председателя Завитинского

райисполкома Журавлев за ненадлежащее руководство хлебозаготовками. Коммуниста Чернышева (Тамбовский район) отстранили от работы в деревне «за проявление недопустимых уклонов, сводившихся к защите явного кулака, подвергнутого 107 ст. УК». Дело Чернышева было передано в контрольную комиссию [6, л. 58, 63].

Общий итог кампании 1927/28 г.: в ДВК было заготовлено 2448,4 тыс.ц. зерновых, что было в 1,7 раза больше, чем в 1926/27 г. Согласно официальным отчетам, хлебозаготовительные планы были выполнены на 95,5%. В данном случае речь идет об окончательных плановых заданиях. По нашим подсчетам, первоначальный план заготовок на Дальнем Востоке был перевыполнен на 6,7% [14, л. 6–7]. Насколько выполнение плана было обусловлено репрессиями в деревне? В целом по Дальнему Востоку в кампанию 1927/28 г. по 107 статье УК было осуждено всего 104 человека. Сами власти полагали, что до «сколько-нибудь массовой репрессии и применения чрезвычайных мер» в 1927/28 г. в ДВК дело не дошло [22, л. 55]. Большая часть привлеченных к уголовной ответственности – амурчане. По данным Амурского окружного суда, к июлю 1928 г. по ст. 107 УК были осуждены 60 домохозяев и 6 китайских подданных. Нажим на деревню в первой половине 1928 г. не произвел должного впечатления и на дальневосточное крестьянство. Кулаки Тамбовского района, например, полагали, что «это коммунисты для примера стукнули несколько человек по 107 статье, а дальше не будут производить обыски» [4, л. 2 об]. Таким образом, в выполнении плана хлебозакупа в крае чрезвычайные меры играли далеко не главную роль.

Подведем некоторые итоги. На наш взгляд, региональных причин для хлебозаготовительного кризиса на Дальнем Востоке не было. Кризис был спровоцирован общесоюзной ситуацией, и сначала положение в ДВК характеризовалось меньшей остротой и меньшей степенью противостояния крестьянства и власти, нежели в целом по стране. Однако изменения хлебозаготовительной политики в полной мере сказались и на региональной деревне, на которую к весне 1928 г. была переложена вся тяжесть последствий нового аграрного курса государства.

1. Балобанов Я.В. Категория «государственная власть» и современность [Электронный ресурс] / Я.В. Балобанов. – URL: http://pravovestnik.ru/?p=45 (дата обращения: 26.10.2011).
2. ГААО (Государственный архив Амурской области), ф. п-5 – Амурский окружной комитет ВКП (б) (1926–1930 гг.), оп. 1. д.223.
3. ГААО, ф. п-5, оп. 1, д. 224.
4. ГААО, ф. п-5, оп. 1, д. 238.
5. ГААО, ф. п-5, оп. 1, д. 277.
6. ГААО, ф. п-17 – Белогорский районный комитет КПСС, Амурская область (1926–1962 гг.), оп. 1., д. 43.
7. ГАПК (Государственный архив Приморского края), ф. п-67 – Владивостокский окружной комитет ВКП (б) (1926–1930 гг.), оп. 1, д. 75.
8. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 145.
9. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 146.
10. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 154.
11. ГАПК, ф. п-67, оп. 1, д. 185.
12. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), ф. п-2 – Дальневосточный краевой комитет (Далькрайком) ВКП (б), 1925–1938 гг., оп. 1, д. 63.
13. ГАХК, ф. п-341 – Хабаровский окружной комитет ВКП (б) (1924–1930 гг.), оп. 1, д. 178.
14. ГАХК, Ф. р-353 – Комитет по экономике администрации Хабаровского края (1926 г. – по наст. время), оп. 1, д. 10.
15. Дальневосточная краевая плановая комиссия. Обзор конъюнктуры народного хозяйства ДВК за первое полугодие 1927/28 г. – Б.м. – Б.и. – 36 с.
16. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) [Текст] / В.А. Ильиных. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 284 с.
17. Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX–XX вв. : Очерки истории / под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. – 416 с.
18. Лыкова Е.А. Деревня Дальнего Востока в 20–30-е гг. XX века : Коллективизация и ее последствия [Текст] / Е.А. Лыкова, Л.И. Проскурина. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 188 с.
19. Политология / под общ. ред. Ю.В. Исаева [Электронный ресурс]. – URL: http://www.uvauga.ru/HSD_chair/Political_science/T2_4.htm (дата обращения: 26.10.2011).
20. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), ф. 17 – Центральный комитет ВКП (б) (1898, 1903–1991), оп. 32, д. 66.
21. РГАСПИ, ф. 17, оп. 32, д. 125.
22. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока), ф. р-2413 – Дальневосточный краевой исполнительный комитет советов депутатов трудящихся (Далькрайисполком), г. Хабаровск, 1923–1938 гг., оп. 4, д. 1225.